

**МОГИЛЬНИК КРАСНЫЙ КАМЕНЬ –
ПОГРЕБАЛЬНО-РИТУАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС
РАННЕЙ БРОНЗЫ***

Данная работа вводит в научный оборот материалы, полученные при изучении кургана №1 могильника Красный Камень, относящегося к редчайшей категории монументальных погребально-ритуальных комплексов периода ранней бронзы Хакасско-Минусинской котловины. Единственным полноценным аналогом этого памятника является курган Туим-Кольцо, исследованный Л.Р. Кызласовым. Комплекс Красный Камень (курган №1) состоял из погребальной ограды, оформленной дополнительными диагональными кладками, и содержал 12 могил. К востоку от ограды находилась ритуально-поминальная площадка. Обе были околесены кольцом диаметром около 60 м из отдельно стоящих каменных менгиров с центром в месте пересечения диагоналей. В ходе раскопок, помимо традиционного сопроводительного инвентаря, обнаружен целый ряд уникальных предметов: костяной гребень с антропоморфным ликом и комплект каменных орудий, включающий терочник с изображением головы животного. Материалы кургана №1 могильника Красный Камень позволяют выделить и охарактеризовать отдельный хронологический горизонт окуневской культуры, занимающий промежуточное положение на стыке уйбатского и черновского этапов. На основании результатов радиоуглеродного датирования его можно отнести к XXIII–XXII вв. до н.э.

Ключевые слова: Хакасско-Минусинская котловина, Красный Камень, погребально-ритуальный комплекс, период ранней бронзы, окуневская культура.

DOI: 10.14258/tpai(2018)2(22).-02

Введение

Могильник Красный Камень находится в Богградском районе Республики Хакасия, в 2 км к северу от одноименного села. Памятник расположен на надпойменной террасе левого берега реки Кокса, в 500 м от ее русла. Нижняя часть террасы, прилегающая к реке, рассечена современными оросительными каналами и используется под пашню. Верхняя ее часть, где расположен могильник, распашке не подвергалась, но была значительно повреждена при строительстве объездной шоссеной дороги. Курганы устроены на пологом склоне горы, на удалении 50–100 метров от автодороги «Енисей» (361 км участка Красноярск – Абакан). Памятник состоит из двух оград окуневской культуры периода ранней бронзы. На момент раскопок курганы хорошо сохранились и выглядели как небольшие всхолмления на поверхности степи высотой до 1 м и диаметром 15–20 м. У кургана №2 отчетливо видны вертикальные камни, установленные в углах ограды, и отдельная стела (стела 4), расположенная к востоку от нее. Последняя, вероятно, маркирует дополнительное сооружение, аналогичное ритуальной площадке, исследованной в кургане №1. На площади могильника визуально фиксировались еще две вертикальных плиты (стелы 1 и 3), оказавшиеся впоследствии частью кольца менгиров, принадлежащего кургану №1 (рис. 1, 2). Раскопки этого комплекса производились в 2010–2011 гг. Первоначально было исследовано погребальное сооружение, затем ритуальная площадка и часть кольца менгиров. Основная

* Исследование проведено в рамках выполнения программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук по теме государственной работы: №0184-2018-0009 «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тысячелетие до н.э. – I тысячелетие до н.э.)».

цель данной статьи состоит в том, чтобы в полном объеме ввести в научный оборот полученные уникальные материалы окуневской культуры и определить их место в кругу известных памятников периода ранней бронзы.

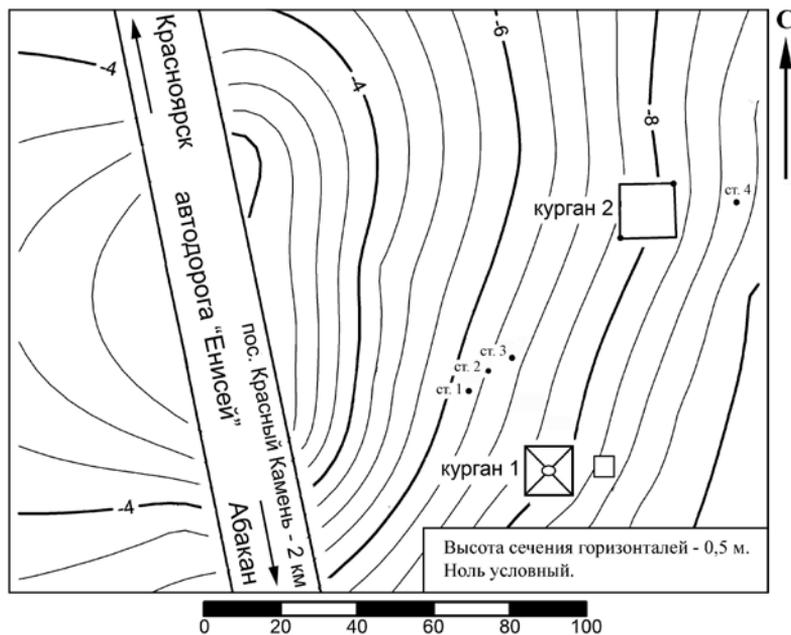


Рис. 1. План могильника Красный Камень

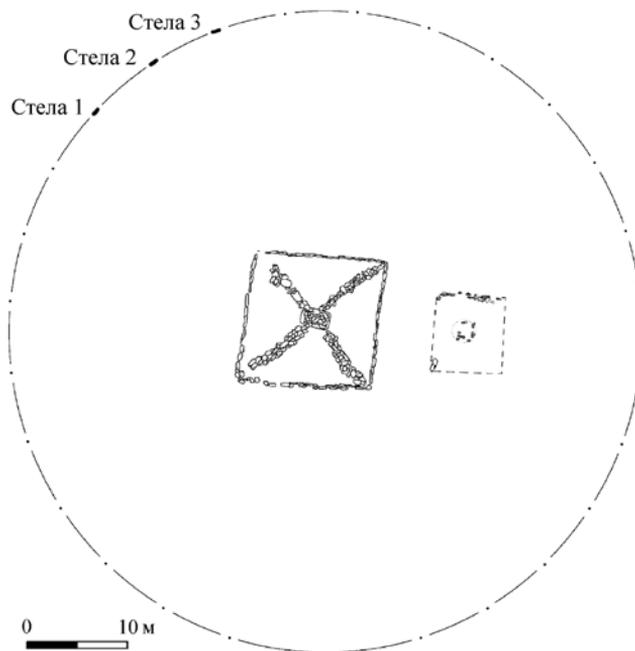


Рис. 2. Схема погребально-ритуального комплекса Красный Камень (курган №1)

Описание исследованного комплекса

Курган №1. Представлял собой ограду размерами 12,5×12,5 м, ориентированную сторонами по линиям З–В и Ю–С с небольшим отклонением (рис. 3). Стенки ограды составлены из плит песчаника, установленных на ребро. Они были углублены в материк на 0,1–0,2 м и расклинены камнями меньшего размера. Высота сохранившихся плит ограды достигала 0,3–0,45 м от уровня погребенной почвы. Особенностью данного кургана является наличие диагональных каменных кладок, соединявших углы ограды с центральной могилой. Они были сложены на уровне погребенной почвы из 3–4 слоев плоских каменных глыб. В центре кургана высота кладки достигала 0,7 м, ближе к углам ограды она уменьшалась до 0,3–0,4 м. Ширина линий варьировала от 1 до 1,5 м. В центре кладка была уложена поверх земляного надмогильного сооружения основного захоронения. Судя по отсутствию развалов камней, строительство диагональных каменных кладок непосредственно предшествовало возведению курганной насыпи, которая к моменту раскопок сохранила высоту 0,7–0,8 м.

Общая последовательность формирования кургана определяется следующим образом. Первоначально была сооружена квадратная ограда, в центре которой было устроено основное захоронение (могила 1). Над каменным перекрытием этого погребения было возведено куполообразное земляное надмогильное сооружение. Затем были выложены диагональные каменные кладки и сделана курганная насыпь. Все последующие погребения (могилы 2–12) впущены в уже сформированное тело кургана. При устройстве могил 6 и 12 диагональные каменные кладки были частично разобраны.

При разборке верхнего слоя насыпи кургана были обнаружены фрагменты двух керамических сосудов (рис. 7.-1, 2), каменная «лунница» (рис. 7.-3) и предмет уплощенно-сферической формы с отверстием, выточенный из белого крупнозернистого песчаника (рис. 7.-4). Эти артефакты, по-видимому, были извлечены из могил при позднейших проникновениях. Кроме того, в северо-западном углу ограды был обнаружен клад каменных орудий из семи предметов, который будет подробно описан далее по тексту.

Могила 1. В центре ограды располагалась подпрямоугольная грунтовая яма размерами 2,8×1,8 и глубиной 1,1 м, ориентированная осью по линии ЗСЗ–ВЮВ (рис. 5.-1, 2). В ее нижней части был установлен каменный ящик из плит песчаника размерами 2,1×1,2 и высотой 0,6 м. Свободное пространство между ящиком и стенками ямы было заполнено мелкими камнями и насыпным грунтом. Перекрытие, состоящее из плит песчаника и нескольких слоев плоских каменных глыб, опиралось на верхние края ящика, достигая уровня древней дневной поверхности. Над погребением, по-видимому, было дополнительно возведено куполообразное земляное надмогильное сооружение. Захоронение ограблено, каменное перекрытие в западной части могилы разрушено. На дне ящика сохранился почти полный скелет женщины в возрасте 20–25 лет, ориентированной головой на запад–северо-запад. Погребенная лежала на спине с ногами, согнутыми и поднятыми коленями вверх. У правой тазовой кости женщины стоял керамический сосуд баночной формы, орнаментированный ногтевидными оттисками (рис. 7.-5). В пространстве между сосудом и правым локтевым суставом погребенной были беспорядочно разбросаны 24 просверленных зуба марала. Еще 13 таких же зубов найдено в заполнении могилы (рис. 7.-7). У середины южной стенки ящика в вертикальном положении, лицевой частью наружу располагался костяной гребень с антропоморфным

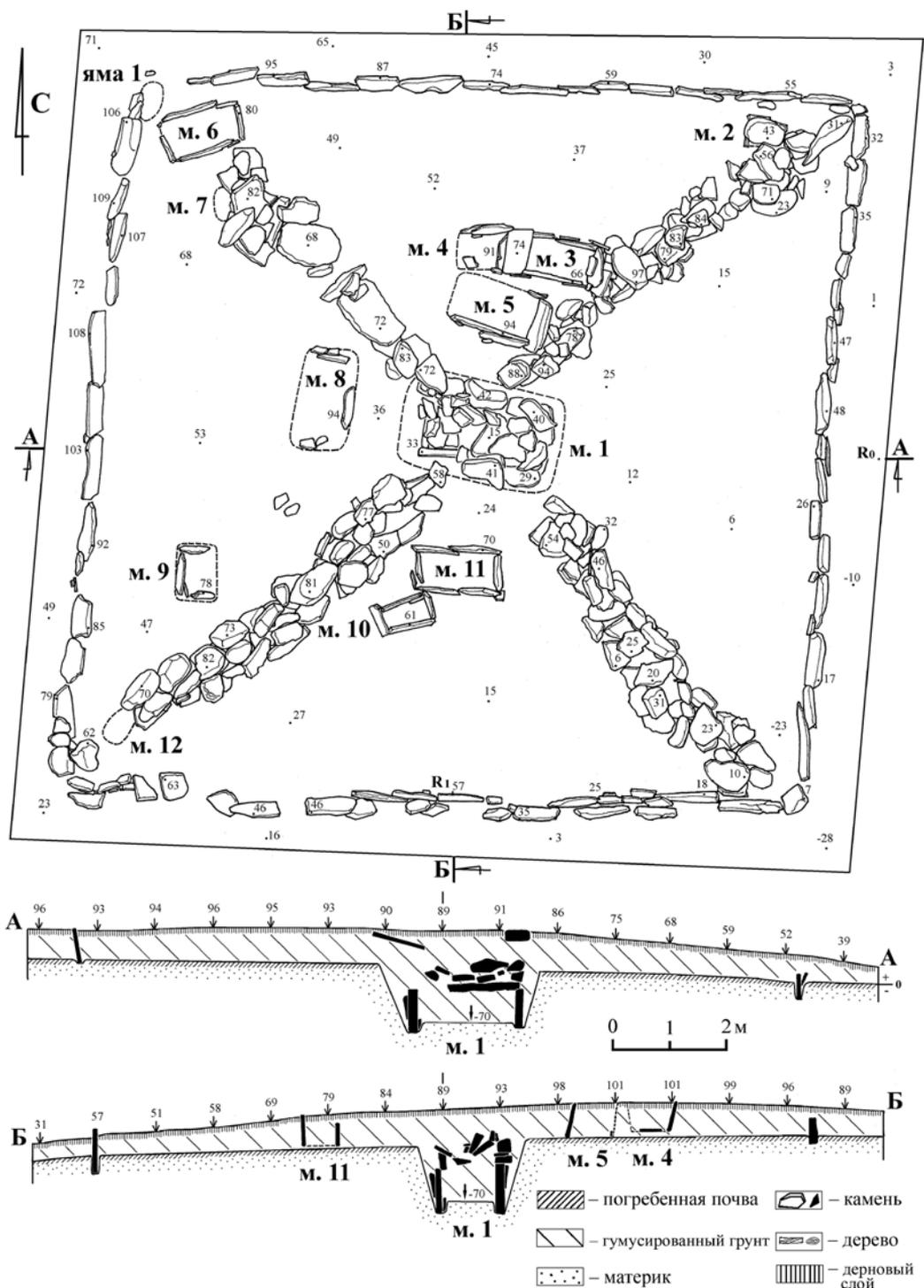


Рис. 3. План и разрезы кургана №1 могильника Красный Камень

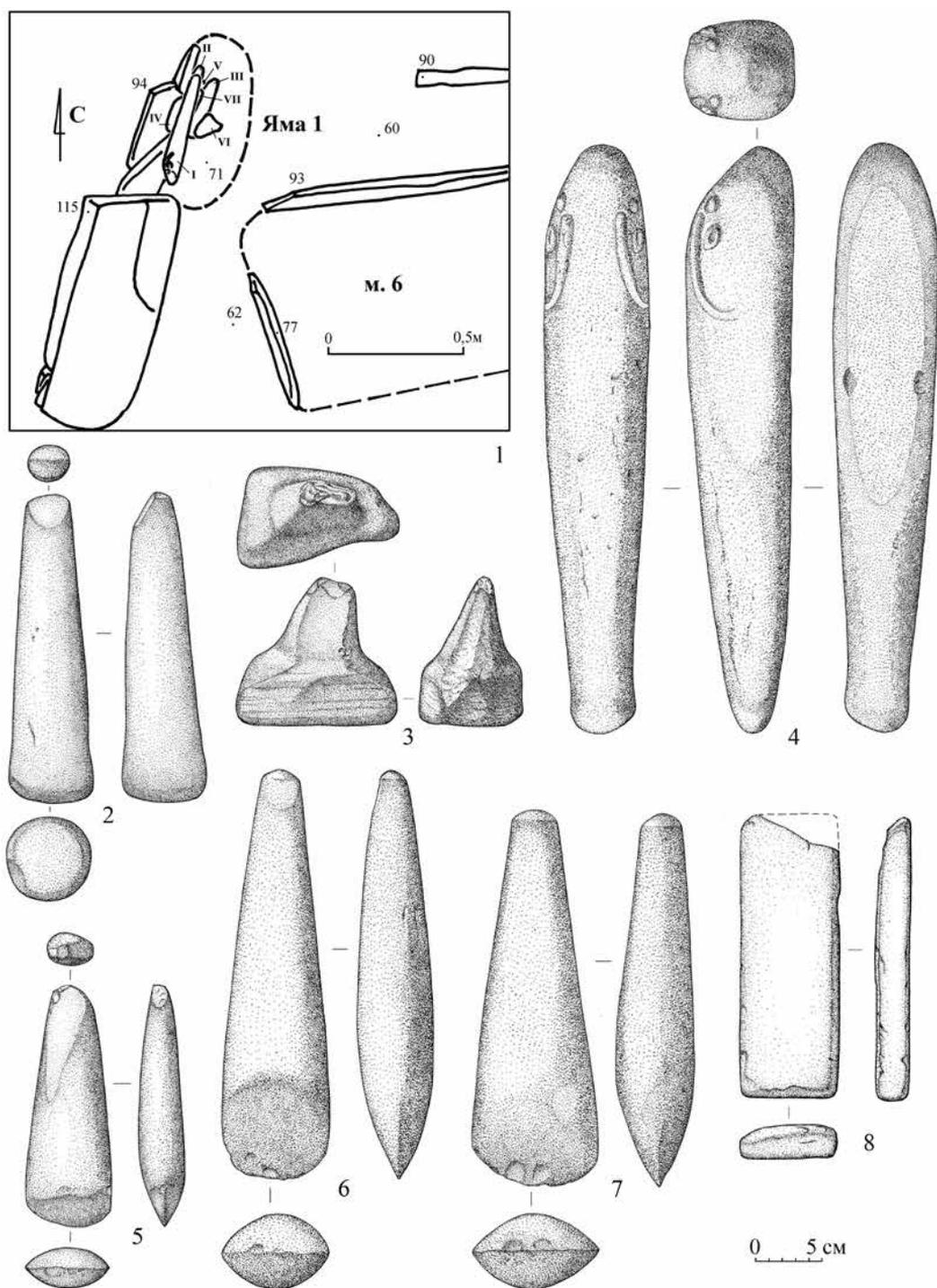


Рис. 4. Красный Камень. Курган №1. Клад каменных изделий, найденный на площади ограды: 1 – местоположение клада; 2–8 – каменные изделия из состава клада

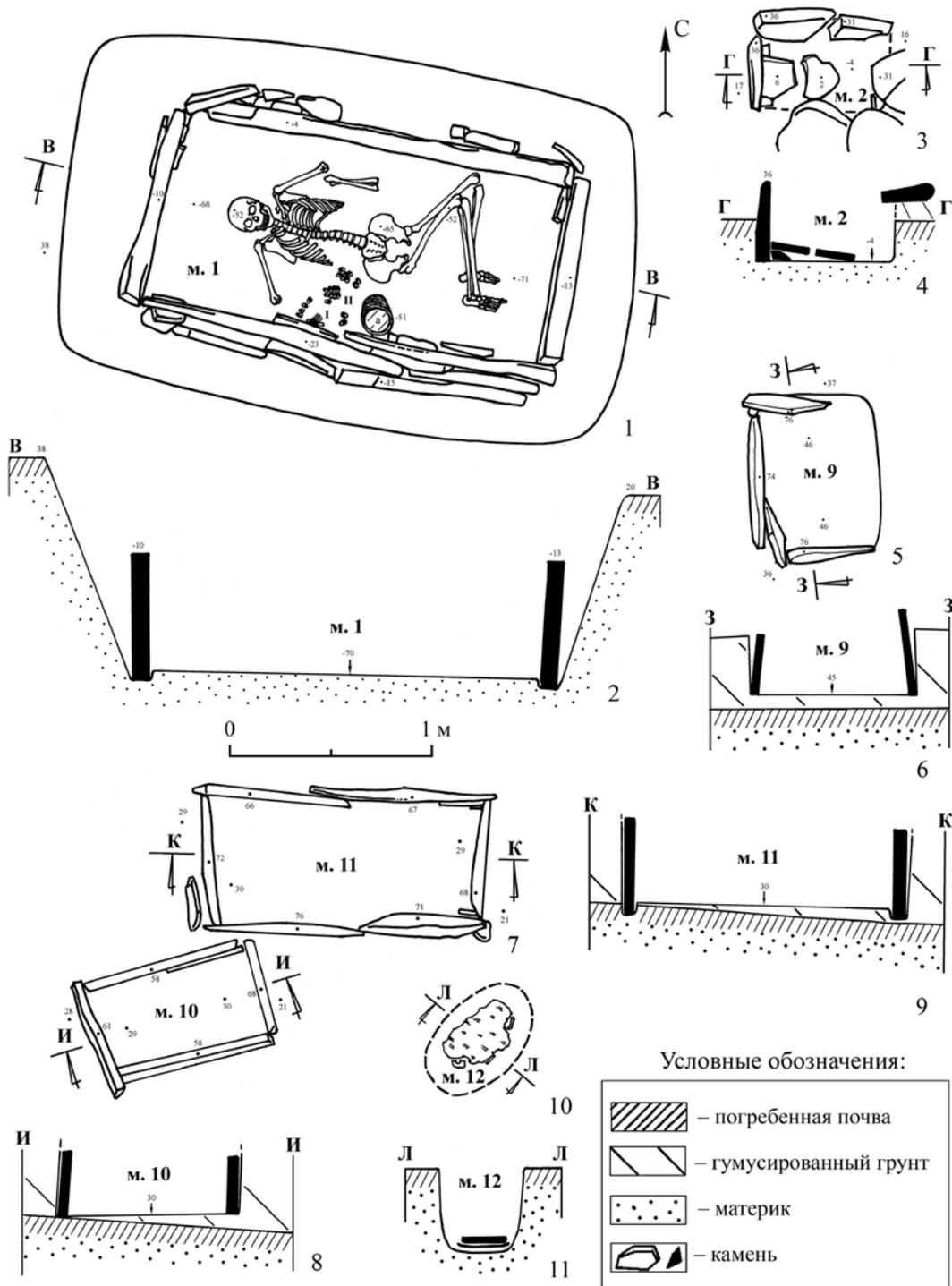


Рис. 5. Планы и разрезы могил 1, 2, 9–12 кургана №1 могильника Красный Камень

изображением (рис. 7.-10; 8). Его верхняя часть оформлена в виде контура женской головы с сердцевидной личиной, выполненной в технике низкого рельефа. Зубчики на боковых гранях в сочетании со сквозными прорезями подчеркивают силуэт и имитируют заплетенные косы. В заполнении могилы обнаружено 35 мелких цилиндрических каменных бусинок (рис. 7.-9), довольно крупная костяная бусина (рис. 7.-6) и плоская каменная бусинка с симметричными насечками по краю (рис. 7.-8).

Могила 2. В северо-восточном углу кургана вплотную к диагональной кладке пристроен каменный ящик размерами 0,7×0,45 и высотой 0,4 м, ориентированный длинной осью по линии З–В (рис. 5.-3, 4). Дно могилы углублено в материк на 0,15 м. Южная и восточная стенки ямы, примыкающие к диагональной кладке, были грунтовыми. Перекрытие состояло из одной большой плиты. Дно могилы в ее западной части было выстлано плитками песчаника и имело уклон к востоку. Костей ребенка не сохранилось, вещей нет.

Могила 3. Расположена в северном секторе кургана между центральной могилой 1 и стенкой ограды. Каменный ящик размерами 1,5×0,7 и высотой 0,4 м, ориентированный длинной осью по линии ЗСЗ–ВЮВ (рис. 6.-1–3). Восточная стенка примыкает вплотную к диагональной кладке. Ящик был перекрыт несколькими плитами песчаника, одна из которых сохранилась в западной части могилы. Дно могилы имеет выраженный уклон к востоку и прорезает материк на глубину до 0,2 м. Плиты самого ящика установлены в канавках, углубленных в материковое дно ямы на 0,1–0,15 м. Захоронение ограблено. Причем произошло это в момент, когда связки еще не распались. В восточной части могилы в беспорядочной куче обнаружены крестец, кости рук, нога и несколько ребер женщины 35–40 лет, частично сохранившие сочленение. Здесь же под плитой песчаника найдено несколько крупных фрагментов баночного сосуда (рис. 7.-11). В заполнении ямы обнаружены недостающие кости скелета женщины (череп отсутствовал) и несколько обломков бронзового предмета неясного назначения (рис. 7.-12).

Могила 4. Каменный ящик размерами 0,8×0,6 и высотой 0,4 м (рис. 6.-1, 2). Ориентирован длинной осью по линии ЗСЗ–ВЮВ. Восточная стенка примыкает к западной торцевой плите могилы 3. Западная и частично южная стенки ящика разрушены. Дно могилы расположено выше уровня погребенной почвы на 0,05–0,1 м и выстлано несколькими тонкими плитками песчаника. Кости погребенного не сохранились. В заполнении могилы найдены два фрагмента сосуда, украшенного оттисками зубчатого штампа, прямыми и волнистыми налепными валиками (рис. 7.-13, 14).

Могила 5. Расположена в промежутке между центральной могилой 1 и могилами 3, 4. Каменный ящик размерами 1,6×0,8 и высотой 0,55 м, ориентирован длинной осью по линии ЗСЗ–ВЮВ (рис. 6.-1, 3). Северная и западная стенки ящика почти полностью разрушены. Дно могилы располагалось на уровне погребенной почвы. Захоронение ограблено. На месте, в восточной части ямы, сохранилась только пяточная кость мужчины 35–45 лет. Судя по ней, погребенный лежал головой на запад–северо-запад. Остальные кости скелета выброшены грабителями. В заполнении могилы найдены пять зубов соболя со следами окраски охрой (рис. 7.-15).

Могила 6. Расположена в северо-западном углу ограды. При ее строительстве частично разобрана диагональная выкладка. Каменный ящик размерами 1,3×0,8 и высотой 0,5 м ориентирован длинной осью по линии ЗЮЗ–ВСВ и углублен в материк на 0,3 м (рис. 6.-4, 5). На дне могилы сохранилась часть позвоночника и стопы жен-

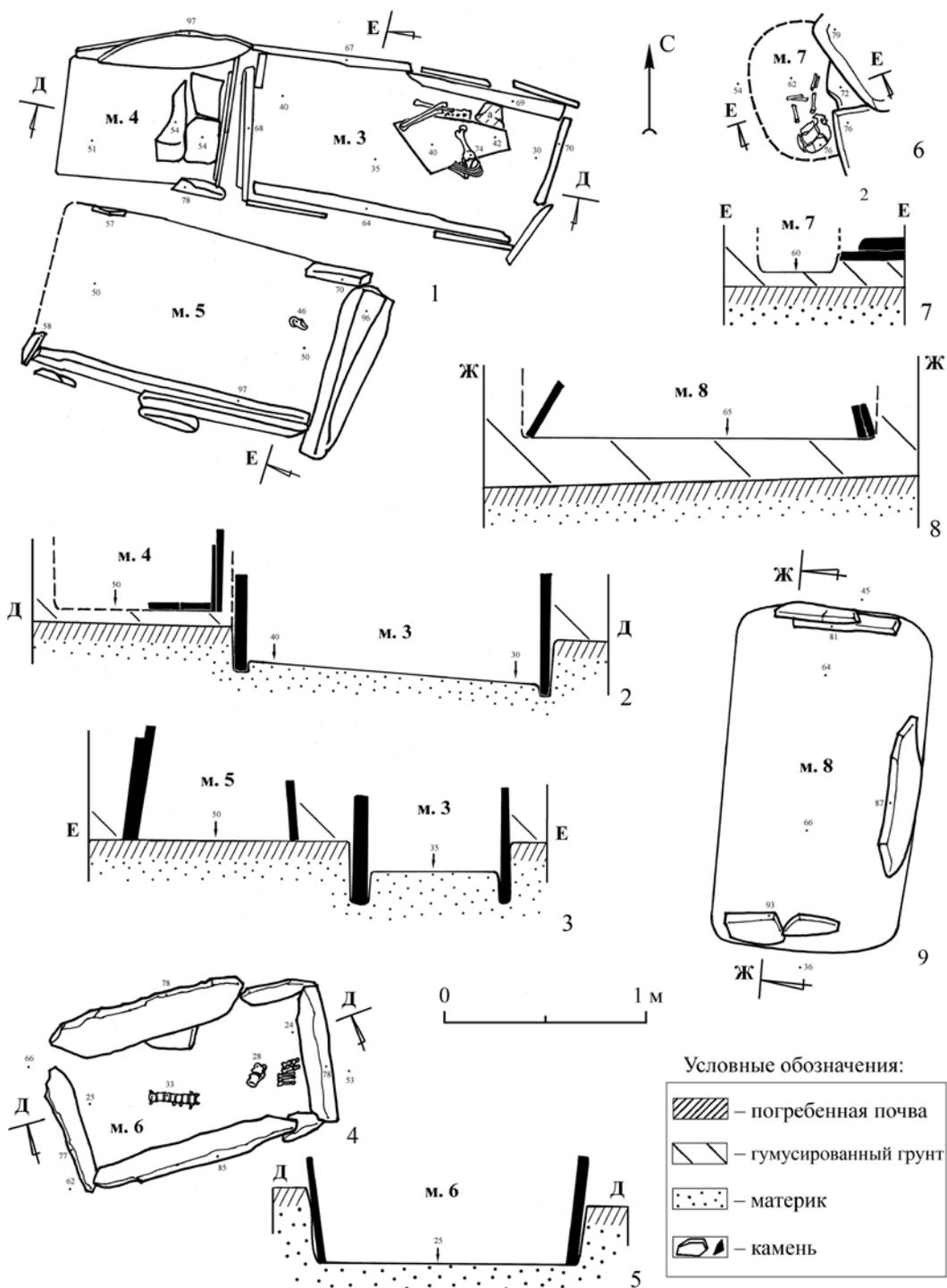


Рис. 6. Планы и разрезы могил 3–8 кургана №1 могильника Красный Камень

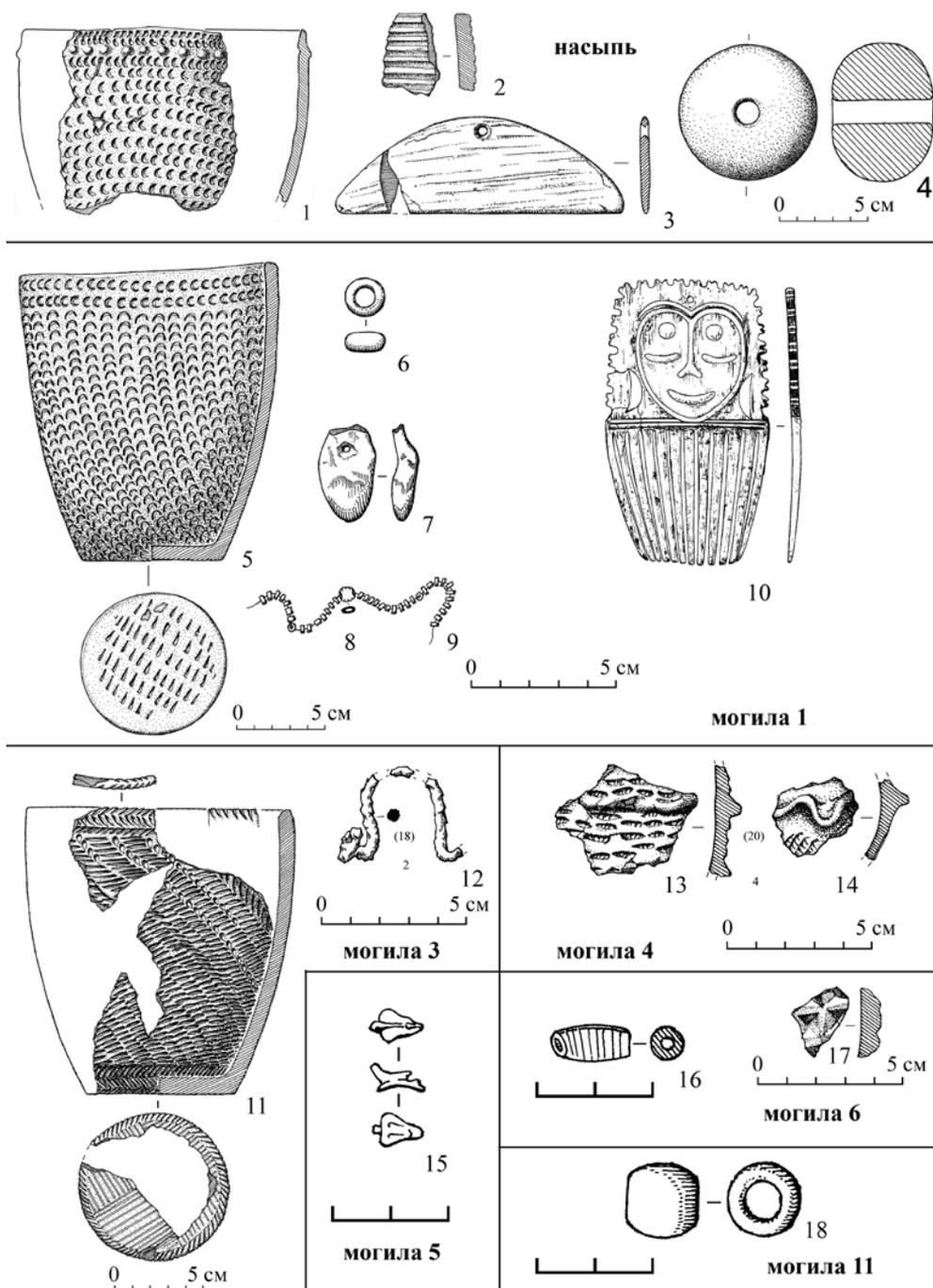


Рис. 7. Сопроводительный инвентарь, обнаруженный при исследовании кургана №1 могильника Красный Камень: 1-4 – насыпь, 5-10 – могила 1, 11-12 – могила 3, 13-14 – могила 4, 15 – могила 5, 16-17 – могила 6, 18 – могила 11; 1, 2, 5, 11, 13, 14, 17 – керамика, 3, 4, 8, 9, 16 – камень, 6, 7, 10, 15, 18 – кость/зуб животного, 12 – металл



Рис. 8. Костяной гребень из могилы 1 кургана №1 могильника Красный Камень (фотоснимок)

щины 40–55 лет, лежавшей на спине с согнутыми и поднятыми коленями вверх ногами. Погребенная была ориентирована головой на запад–юго-запад. В области ее таза обнаружена полупрозрачная каменная бусина зеленоватого цвета, украшенная прочерченными поперечными бороздками (рис. 7.-16). В заполнении могилы обнаружены кости этой же женщины (череп отсутствовал), несколько косточек новорожденного ребенка и фрагмент керамического сосуда (рис. 7.-17).

Могилы 7. Расположена рядом с могилы 6, вплотную к диагональной каменной кладке (рис. 6.-6, 7). Форму грунтовой ямы достоверно определить невозможно. Ее дно находилось на 0,1 м выше уровня погребенной почвы. От ребенка в возрасте 2–3 лет сохранились череп и кости рук. Судя по ним, погребенный лежал на правом боку, головой на юг. Вещей нет.

Могилы 8. Расположена в западной части кургана рядом с могилы 1. Каменный ящик размерами 1,7×0,9 и высотой 0,3 м почти полностью разрушен (рис. 6.-8, 9). Сохранились отдельные плиты на северной, восточной и южной стенках. Могилы была ориентирована длинной осью по линии Ю–С. Ее дно находилось на 0,3 м выше уровня погребенной почвы. Захоронение полностью разграблено. Костей погребенных и вещей не обнаружено.

Могилы 9. Расположена в юго-западной части кургана. Каменный ящик размерами 0,8×0,6 и высотой 0,4 м сохранился частично (рис. 5.-5, 6). Могилы была ориентирована длинной осью по линии Ю–С. Ее дно находилось на 0,1 м выше уровня погребенной почвы. Захоронение полностью разграблено. Костей погребенного человека и вещей не обнаружено.

Могилы 10. Расположена в южном секторе кургана между центральной могилы 1 и стенкой ограды. Каменный ящик размерами 0,9×0,5 и высотой 0,3 м, ориентирован длинной осью по линии ЗЮЗ–ВСВ (рис. 5.-7, 8). Дно могилы располагалось выше уровня погребенной почвы. Захоронение полностью разграблено. Костей погребенного человека и вещей не обнаружено.

Могилы 11. Расположена между могилы 10 и центральной могилы 1. Каменный ящик размерами 1,3×0,7 и высотой 0,4 м, ориентирован длинной осью по линии З–В (рис. 5.-7, 9). Дно могилы располагалось выше уровня погребенной почвы. Захоронение разграблено, кости погребенного отсутствуют. В заполнении ямы найдена костяная бусина (рис. 7.-18).

Могилы 12. Расположена в юго-западном углу ограды. При ее строительстве частично разобрана диагональная каменная выкладка. Грунтовая яма размерами 0,6×0,4 м углублена в материк на 0,3 м (рис. 5.-10, 11). Ориентирована длинной осью

по линии ЮЗ–СВ. На дне могилы сохранились фрагменты бересты и разрозненные косточки младенца. Судя по расположению фрагментов черепа, погребенный был уложен головой на юго-запад. Вероятно, это было захоронение новорожденного ребенка в берестяной колыбели. Вещей нет.

Поскольку на площади могильника Красный Камень были обнаружены отдельные выступавшие на поверхность вертикальные плитки и несколько каменных стел, назначение которых оставалось невыясненным, в 2011 г. было решено провести исследование межкурганного пространства памятника. В ходе этих работ к востоку от кургана №1 удалось раскопать дополнительную культовую оградку, а также выявить и обследовать кольцо менгиров, окружавших весь этот погребально-ритуальный комплекс (рис. 2).

Ритуальная площадка. При раскопках кургана №1 к востоку от него были расчищены остатки прямоугольной ограды из вкопанных на ребро плит песчаника (рис. 9). Ее юго-восточная часть полностью уничтожена бульдозером при строительстве оросительной системы. Сохранились только часть северной и три плиты западной стенки ограды. Судя по ним, это была прямоугольная конструкция с размерами сторон не менее 7–7,5 м, ориентированная стенками по сторонам света. Она располагалась точно в створ центральному погребению кургана №1 и была удалена от восточной стенки его ограды на 5 м к востоку. Следов какой-либо курганной насыпи внутри оградки не обнаружено. Особенности грунта и наличие в нем многочисленных морозобойных трещин не позволили выявить следы канавок от вкопанных плит. Ограда ритуальной площадки была сооружена из плит песчаника, установленных на ребро и расклиненных с внешней стороны камнями (рис. 9). Многие плиты расслоились, их верхние части обломаны. Судя по сохранившимся камням, первоначальная высота ограды не превышала 0,4 м. В центральной части конструкции расчищено скопление плиток песчаника среднего размера. Некоторые из них имели уклон к центру скопления. По-видимому, здесь находилось небольшое углубление диаметром около 2 м. Поскольку оно было выбрано в дерновом слое, точно определить его размер и глубину невозможно. Внутри оградки не обнаружено органики, угольков или явных следов прокала. Отсутствуют артефакты, позволяющие уточнить назначение и хронологическую принадлежность сооружения. Тем не менее само его расположение к востоку от окуневского кургана, точное совпадение ориентировок погребальной и поминальной оград позволяют считать их единым комплексом, датирующимся периодом ранней бронзы.

Помимо погребальной и ритуальной оград данный комплекс включал в свой состав еще и кольцо из отдельно стоящих менгиров.

Стела 1. При обследовании площади могильника была обнаружена верхняя торцевая грань крупной плиты песчаника, обломанной на уровне современной дневной поверхности (рис. 2). Ширина плиты составляла 0,8 м, толщина – 0,2 м. Стела была установлена в грунтовой яме и дополнительно расклинена с внешней стороны мелкими плитками песчаника (рис. 10.-1). Точные размеры ямы установить не удалось, так как она была заполнена материковым грунтом, вынутым при ее прокопке. Своей широкой лицевой плоскостью стела была развернута в сторону центрального захоронения кургана №1 и находилась от него на удалении 30 м. Определить ее изначальную высоту невозможно, корневая же часть была заглублена на 0,55 м.

Стела 2. При контрольной прокопке пространства между стелами 1 и 3 было обнаружено несколько плиток песчаника, уходящих вглубь материкового слоя (рис. 2).

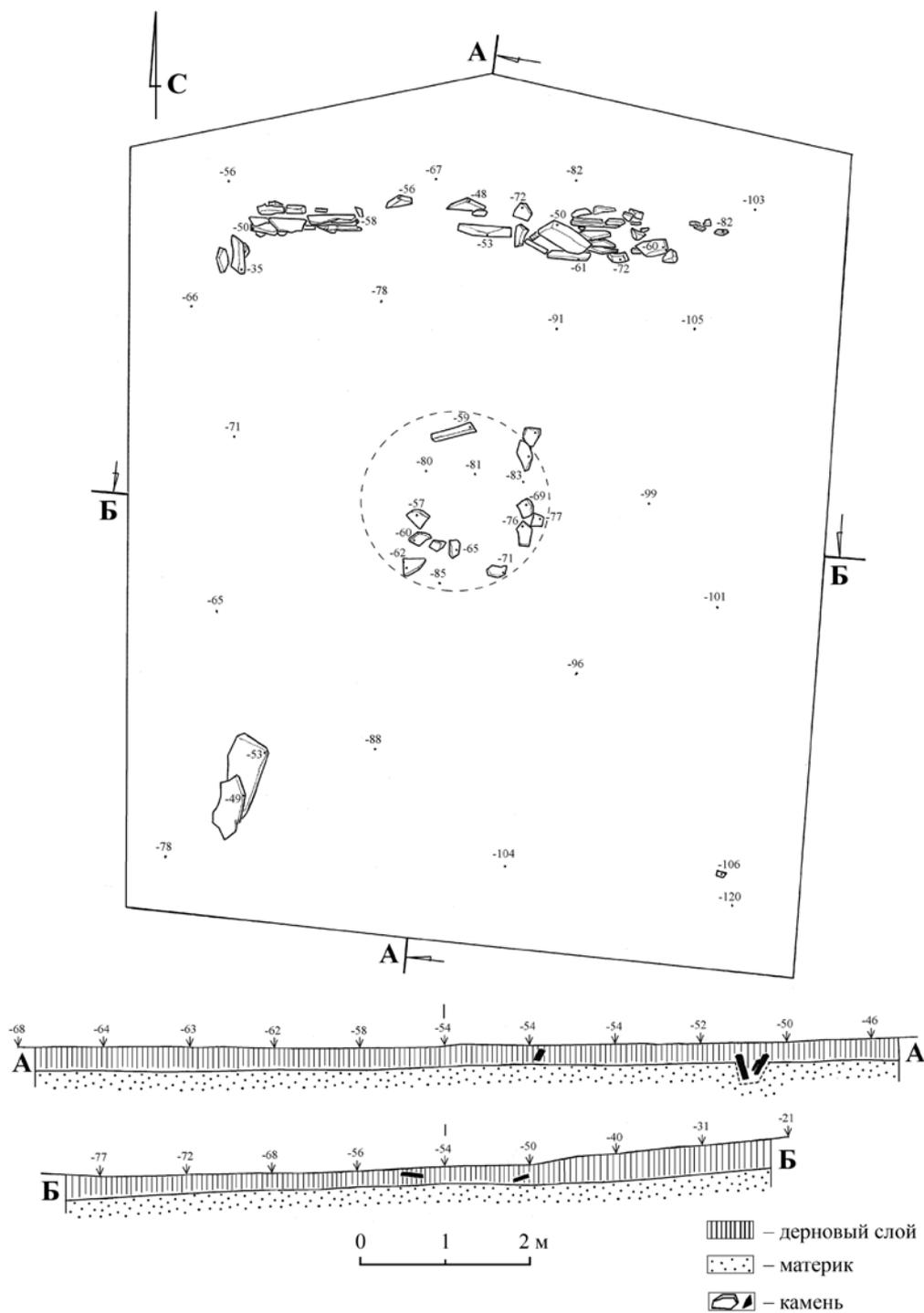


Рис. 9. План и разрезы ритуальной площадки, расположенной к востоку от кургана №1 могильника Красный Камень

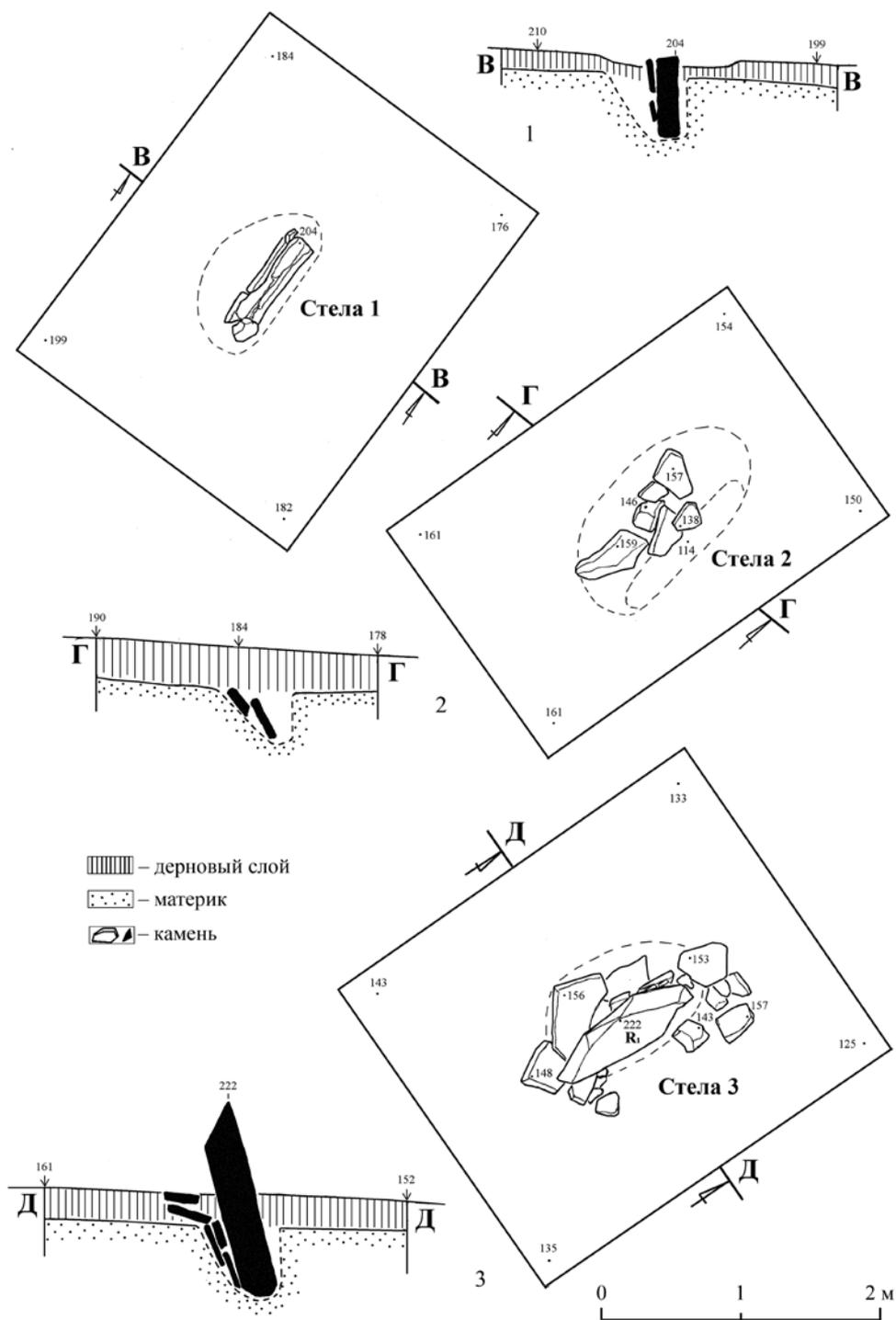


Рис. 10. Планы и разрезы мест установки каменных стел, окружавших погребально-ритуальный комплекс Красный Камень, курган №1

В этом месте была расчищена грунтовая яма для установки каменной плиты размерами 1,4×0,8 и общей глубиной 0,7 м от уровня современной дневной поверхности (рис. 10.-2). В ее донной части выделяется узкое углубление для основания каменной стелы шириной около 1 м и толщиной 0,15–0,2 м. Судя по нему, стела была своей широкой лицевой плоскостью развернута в сторону центрального захоронения кургана №1 и находилась от него на удалении 30 м.

Стела 3. Массивная каменная плита шириной 1,1 м и толщиной 0,25 м выступала над современной поверхностью степи на 0,7 м (рис. 2). Стела была установлена в грунтовой яме и дополнительно расклинена с внешней и частично внутренней стороны мелкими плитками песчаника (рис. 10.-3). Точные размеры ямы установить не удалось, так как она была заполнена материковым грунтом, вынутым при ее прокопке. Широкой лицевой плоскостью стела была развернута в сторону центрального захоронения кургана №1 и находилась от него на удалении 30 м. Общая высота плиты составляла 1,4 м.

Примечательно, что все три стелы очень точно укладываются в кольцо диаметром 60 м, центром которого является основное погребение кургана №1 (рис. 2). И развернуты своей лицевой частью (плоскостью) они именно в сторону этого захоронения. К сожалению, другие участки площади могильника, где проходило это кольцо, были сnivelированы бульдозером в ходе строительства оросительной системы и прокладки объездной шоссейной дороги. Определить точно, был это замкнутый круг или просто дуга из отдельно стоящих менгиров, сегодня уже невозможно. Если учесть, что диаметр кольца составляет 60 м, а расстояния между отдельными вертикальными стелами варьирует от 7 до 7,5 м, то в него могло входить 25–27 менгиров.

Устройство погребально-ритуального комплекса, конструкция кургана, расположение могил и последовательность их сооружения

Ближайшей аналогией комплексу кургана №1 могильника Красный Камень является памятник Туим-Кольцо, где круг из отдельно стоящих менгиров имел диаметр 82 м. Помимо кольца из стел, ограды с диагональными кладками и вертикальными камнями в углах, там зафиксирован «вход» с восточной стороны, обозначенный шестью гранитными менгирами [Кызласов, 1987]. Сейчас уже ясно, что это была ритуально-поминальная площадка, подобная культовым оградкам, обнаруженным при раскопках некоторых окуневских курганов [Поляков, 2010; 2014а]. Их общей особенностью является прямоугольная форма, расположение к востоку или северо-востоку от курганов и размещение строго по оси их основного погребения. В центре таких культовых оградок обычно находится неглубокий (0,2–0,3 м) каменный ящик или грунтовая яма со следами кострища, а в заполнении присутствуют фрагменты керамики, колотые и пережженные кости животных. С учетом данной поправки совпадение конструктивных элементов погребально-ритуальных комплексов могильников Туим-Кольцо и Красный Камень оказывается фактически полным.

Курганы с диагональными кладками известны нам и по другим окуневским могильникам (Карасук-II, Карасук-VIII, Уйбат-Батень, Итколь-I, Итколь-II). Колец из менгиров вокруг них не отмечено. Однако следует учитывать, что раскопки перечисленных памятников велись только в пределах самих оград и их ближайшей периферии. К тому же каменные стелы могли быть изъяты при устройстве позднейших курганов. Обнаружить ямы для их установки, не зная диаметра колец, практически невозможно.

В единственном случае, когда раскопки ограды с диагональными кладками велись относительно широкой площадью (Итколь-II, курган №13), сразу же были найдены остатки ритуальной площадки за восточной стенкой кургана и ямы для выборки материкового грунта с трех других сторон погребальной ограды [Поляков, 2014б]. Целенаправленного поиска следов кольца менгиров здесь также не производилось. Соответственно вопрос об обязательном присутствии у курганов с диагональными кладками кольца из менгиров и культовых площадок пока остается открытым.

Еще одной важной особенностью оград с диагональными кладками является момент возведения курганной насыпи. Рядовые окуневские курганы представляют собой ограды-кладбища, функционировавшие на протяжении длительного времени. Захоронения в них совершались последовательно, каждое имело собственное надмогильное сооружение. Погребения устраивались с уровня погребенной почвы либо впускались в развалы уже существующих надмогильных сооружений. Создание общей курганной насыпи над оградой-кладбищем, как правило, означало окончание его функционирования. Трудозатраты, вложенные в строительство такого кургана, были значительными, но они распределялись на несколько равноценных или близких по своему статусу погребений. У оград с диагональными кладками курганная насыпь возводилась сразу же после устройства центральной могилы. Соответственно трудозатраты на строительство такого комплекса были целиком адресованы только основному погребению. Все последующие захоронения, если таковые имелись, впускались в уже сформированное тело кургана, не меняя его архитектурного облика. Следовательно, центральное погребение в оградах с диагональными кладками имело повышенный социальный статус и предназначалось для захоронения особой категории лиц [Лазаретов, 2012].

В связи с этим уместно вспомнить реконструкцию семантики курганов эпохи бронзы и раннего железного века, в частности комплекса Туим-Кольцо, предложенную И.Л. Кызласовым. В его понимании данное монументальное сооружение можно интерпретировать как образ земного мира, ограниченного горными хребтами со священными вершинами по углам и в центре, вписанный в кольцо из менгиров, символизирующих охватывающий Землю небесный круг [Кызласов, 1989, с. 207–209]. Тогда центром этой своеобразной модели Вселенной оказываются захоронения молодых женщин. Именно женщины репродуктивного возраста были погребены в основных могилах курганов Карасук-II, Туим-Кольцо и Красный Камень. В центральном погребении кургана Карасук-VIII, по публикации, были обнаружены кости взрослого мужчины, мужчины 40–60 лет и двух детей [Комарова, 1981, с. 86]. Однако проведенные антропологом К.Н. Солодовниковым измерения единственного черепа из этого захоронения показали, что он, возможно, принадлежал женщине возмужалого возраста*. Данная могила представляла собой классическую грунтовую яму с заплечиками, нижняя часть которой была предназначена для одиночного захоронения. Не исключено, что там и была погребена женщина. Остальные покойники могли располагаться в верхнем ярусе могилы, на перекрытии первичного захоронения. Половую принадлежность погребенных в основных могилах курганов с диагональными кладками из могильников Уйбат-Батень, Итколь-I и Итколь-II установить не удалось. Примечательно, что центральные захоронения в обычных окуневских оградах содержат индивидуальные мужские, парные или коллективные погребения. В курганах же с диагональными клад-

* Пользуясь случаем, благодарим К.Н. Солодовникова за предоставленные данные.

ками на сегодняшний день определено три или четыре индивидуальных женских погребения и ни одного достоверного мужского. Если конструкция таких курганов могла восприниматься древним населением как модель Вселенной, то центральные женские захоронения в них, возможно, отражали воплощение идеи сохранения и постоянного возрождения существующего миропорядка [Лазаретов, 2012].

Схема размещения могил внутри ограды кургана №1 могильника Красный Камень является типичной для окуневской культуры [Поляков, 2017б]. В центре располагается основное погребение (могила 1) с мощным каменно-земляным надмогильным сооружением, образующим высотную и пространственную доминанту. Последующие захоронения впущены в насыпь кургана и образуют две цепочки могил, северную и южную, огибающие по периметру центральную надмогильную конструкцию. Погребения 2–7, несомненно, относятся к северной цепочке могил. Она проходит вдоль северной стенки ограды и плавно поворачивает на юг, прижимаясь к ее западной стене. Погребенные в них люди ориентированы соответствующим образом: запад – юго-запад – юг. Могилы 11 и 8 принадлежат южной цепочке. Последнее захоронение развернуто осью на север и вплотную прижато с западной стороны к центральному надмогильному сооружению. Погребенные в них люди должны были быть ориентированы головами на запад и север соответственно. Захоронения 9 и 10 полностью разграблены, ориентировка покойников не устанавливается. Они могли продолжать как северную цепочку, так и южную. В первом случае покойники имели бы разворот на юг и восток, во втором – на запад и север.

Конструкции погребений. В кургане №1 могильника Красный Камень представлено три типа окуневских захоронений: обширная грунтовая яма, нижняя часть которой оформлена в виде ящика, обычные каменные ящики и узкие грунтовые ямы. Два последних типа бытовали в широком хронологическом диапазоне, но в большей степени они характерны для комплексов черновского этапа. Ряд дополнительных деталей также указывают на их относительно поздний возраст. Это выраженный уклон дна могилы в сторону ног погребенного (могила 3) и вымостка его плитами песчаника (могилы 2 и 4).

Обширные ямы с оформлением нижней части в виде ящика являются развитием ранних окуневских конструкций – грунтовых ям с заплечиками. Они характерны для комплексов середины и финала уйбатского этапа (Мохов-VI, Уйбат-V, курган №1, Тас-Хазаа). Наиболее полные аналогии сочетанию центрального захоронения в грунтовой яме с оформлением нижней части в виде ящика и стандартных каменных ящиков, расположенных вокруг него, можно обнаружить в кургане №3 могильника Лебяжье и кургане №26 могильника Итколь-II [Максименков, 1981; Поляков, 2010]. Основные погребения этих комплексов, по-видимому, относятся к финалу уйбатского этапа. Впускные каменные ящики могут датироваться как финалом уйбатского, так и началом черновского этапа окуневской культуры.

Погребальный обряд. Как уже отмечалось выше, схема размещения захоронений и ориентировки погребенных в кургане №1 могильника Красный Камень вполне соответствуют окуневским стандартам. По костям человека ориентировку можно определить только в пяти случаях (могилы 1, 5–7, 12). В остальном нам приходится руководствоваться топографией могил и дополнительными деталями их оформления (наклон дна, наличие каменных подушек). Ориентировка покойников не устанавливается только для погребений 9 и 10, где возможны полярные варианты размещения

покойников в зависимости от принадлежности данных могил к северной или южной группам. Гораздо интереснее в хронологическом плане оценить позы погребенных в кургане людей. Для комплексов черновского этапа свойственно единое положение – на спине, с согнутыми и поднятыми коленями вверх ногами. В ранних уйбатских комплексах прослеживается довольно четкая половая дифференциация: мужчины и мальчики, как правило, лежат на спине, с согнутыми и поднятыми коленями вверх ногами, женщины и девочки – на правом, реже на левом боку. В кургане №1 могильника Красный Камень женщины в погребениях 1 и 6 были захоронены на спине, что является относительно поздним признаком. Однако ребенок, вероятно, девочка в могиле 7 была погребена на правом боку. Налицо совмещение как ранних, так поздних особенностей погребального обряда в пределах одного комплекса. Данное обстоятельство лишний раз подчеркивает переходный характер памятника, находящегося на стыке двух хронологических этапов.

Сопроводительный инвентарь. При расчистке ограды в ее северо-западном углу обнаружен клад каменных орудий из семи предметов [Лазаретов, 2011]. В его состав входили: три «топора», пест, «утюжок», прямоугольная плитка-абразив и терочник с изображением головы козла (рис. 4). Изделия были компактно уложены в небольшую ямку, выкопанную в насыпи рядом с погребением 6 (рис. 4.-1). В могиле оказались захоронены женщина старше 50 лет и новорожденный ребенок, что делает сомнительным привязку орудий к данному погребению. За исключением абразива (рис. 4.-8), все изделия выполнены в единой технике (точечная выбивка с последующей шлифовкой), из одинакового материала (зеленая речная галька) и составляют единый функционально-ритуальный набор. Предварительный трасологический анализ, выполненный О.Н. Загородней и Е.Ю. Гирей, показал, что явные следы износа прослеживаются только на «топорах» (рис. 4.-5–7). Их рабочие части местами выщерблены и вновь залощены до матового блеска. Один из краев лезвия «топоров» сработан и затуплен в заметно большей степени, чем другой. Вероятно, эти орудия предназначались и активно использовались для земляных работ: прорубания оградных канавок, рыхления грунта при выборке могил, нарезки дерна. Пест, судя по наличию на торцевой поверхности микрочастиц охры, применялся для растирания красок в деревянной ступе (рис. 4.-2). Вкрапления охры также обнаружены на всей поверхности терочника (рис. 4.-4). Многочисленные параллельные царапины на рабочей плоскости абразива могут быть интерпретированы как следы заточки металлического инструмента (рис. 4.-8). Открытым остается вопрос о функциональном назначении «утюжка» (рис. 4.-3). Он представлял собой гальку треугольно-пирамидальной формы с идеально плоским, гладким основанием. Ее верхняя часть подработана пикетажем и оформлена в виде ручки-выступа клювовидной формы. На конце выступа имеются сколы, подобные следам, возникающим на рабочих частях долотовидных орудий. Возможно, этот инструмент имел двойное назначение. Кроме основной функции он мог использоваться еще и как ударник при долблении мягкого камня.

Орудийные наборы неоднократно находили в погребениях эпохи бронзы степной зоны Евразии. Как правило, это были захоронения людей определенной специализации, чаще всего литейщиков и металлургов. В нашем случае, хотя орудия и составляют единый комплект, они относятся к разным сферам трудовой деятельности. Ими можно было осуществлять земляные работы, растирать краски, производить заточку инстру-

мента, делать выбивки. По-видимому, этот набор не принадлежал конкретно кому-то из погребенных в кургане людей, а предназначался для могильника в целом.

Наибольший интерес вызывает предмет, украшенный изображением головы козла. Это речная галька сигарообразной формы, подработанная пикетажем и шлифовкой. На ее утолщенном конце в технике низкого рельефа выполнены глаза, уши и рога животного (рис. 4.-4). Длина изделия составляет 43,5 см. Головная часть предмета имеет подпрямоугольное сечение 8×7,5 см, хвостовая часть более округлая, диаметром 4 см. На брюшковой грани изделия оформлена плоская рабочая площадка. Оба конца предмета имеют достаточно выразительные следы «затертости от рук». Данная находка позволяет установить культурную и хронологическую принадлежность целой серии подобных изделий, происходящих из случайных находок, а также уточнить их функциональное назначение. Аналогичные предметы называют пестами, атрибутами фаллического культа, зооморфными жезлами или переносными изваяниями. Помимо формы и размеров эти изделия объединяет обязательное наличие на «брюшковой» или боковой грани орудия уплощенной площадки, характерной именно для терочников. Не противоречит такой трактовке отсутствие явных следов износа, и даже наличие на рабочей площадке соляных знаков, как у изделия из Шира [Кызласов, 1986, рис. 158]. Условия находки позволяют предположить, что данные орудия вовсе не предназначались для регулярного применения по своему прямому назначению, а входили в состав орудийных комплектов, необходимых для проведения ритуалов непосредственно на могильнике. В нашем случае «топоры» из состава клада имели вполне реальную прикладную функцию, а пест, «утюжок», абразив и терочник использовались только для подготовки и проведения погребальных ритуалов. После совершения очередного захоронения комплект убирали в «хранилище» до организации следующих похорон. Терочник с изображением головы хищника, обнаруженный на месте разрушенного окуневского могильника Лебяжье, вероятно, входил в аналогичный функционально-ритуальный набор [Тарасов, Заика, 2000, с. 183]. Примечательно, что на всех известных нам орудиях из случайных находок изображены разные персонажи: бык, козел, хищник, рыба или змея. Возможно, это означает, что каждый из окуневских коллективов поклонялся своему тотемному животному, реальному или мифологическому, и использовал именно этот образ при проведении погребальных ритуалов.

Вещевой материал, происходящий из погребений кургана №1 могильника Красный Камень, немногочислен, но при этом весьма важен. Обнаружены два полностью реконструируемых сосуда, еще четыре или пять представлены фрагментами. Целые формы – банки со слегка раздутыми стенками и плоским дном (рис. 7.-1, 5, 11). О профилировке других горшков судить сложно. Декор керамики представляет собой монотонное заполнение большей части поверхности сосуда акцентированными наколами, сделанными одним орнаментом. Форма оттисков может быть различной – квадратной, овальной, каплевидной, в виде полумесяца. Они образуют ряды, располагающиеся горизонтально либо по диагонали. Один из сосудов, вероятно, был целиком покрыт резными горизонтальными линиями (рис. 7.-2). Зона венчика и придонная часть сосуда обычно выделены иным расположением наколов. Эта особенность характерна для комплексов середины – финала уйбатского и, вероятно, начала черновского этапов: Черновая-VI, Уйбат-V, курган №1 [Максименков, 1965, рис. 2.-1, 3; Лазаретов, 1997, табл. XX.-2, 3; XXI.-2]. В классических черновских комплексах придонная зона

и венчиковая часть чаще всего украшались прочерченными горизонтальными линиями. Дно сосудов в одном случае покрыто рядами оттисков штампа (рис. 7.-5), в другом – украшено соляным символом: круг, разделенный на четыре сектора, заполненных разнонаправленными прочерченными линиями (рис. 7.-11). «Жемчужины», характерные для посуды уйбатского этапа, представлены только на одном сосуде (рис. 7.-1). На двух фрагментах из могилы 4 имелись рельефные валики (рис. 7.-13, 14). Возможно, это был горшок, аналогичный сосуду, обнаруженному в могильнике Черновая-IV [Максименков, 1980, с. 35, табл. XXIX.-9].

Массовый материал в кургане №1 могильника Красный Камень представлен различными видами украшений. На дне и в заполнении могилы 1 обнаружены 37 просверленных клыков марала, плоская каменная бусинка с симметричными насечками по краю и 35 мелких цилиндрических бисерин (рис. 7.-7–9). Вероятно, ими была обшита несохранившаяся сумочка из органического материала, использовавшаяся для хранения мелких бытовых предметов. Точно такие же фигурные каменные бусы в сочетании с бисером обнаружены в ограде 2 могильника Тепсей-VIII [Грязнов др., 1979, рис. 17.-3]. В погребениях кургана найдены еще две костяных (рис. 7.-6, 18) и одна каменная (рис. 7.-16) бусины, но их исходное местоположение и назначение неизвестны. Зубы соболя из погребения 5 (рис. 7.-15) могли использоваться в качестве украшения головного убора или обуви [Комарова, 1981, с. 83, 87, рис. 6.-3, 6; Лазаретов, 1997, с. 24].

Два довольно редких для окуневской культуры предмета обнаружены в насыпи кургана: каменная луновидная (сегментовидная) подвеска и изделие уплощенно-сферической формы, выточенное из белого крупнозернистого песчаника (рис. 7.-3, 4). Подвеска размерами 16,2×5,7×0,6 см была сделана из черного заполированного сланца. Ее грани скруглены, а в центре выпуклой стороны имеется сквозное отверстие диаметром 0,6 см, выполненное двусторонним сверлением (рис. 7.-3). Подробная сводка аналогичных предметов и различные варианты их интерпретации содержатся в работе Ю.Н. Есина [Есин, 2009, с. 123–133]. В комплексах Хакасско-Минусинской котловины такого рода изделия были обнаружены дважды: Усть-Бюрь, курган №5, могила 1 и Черновая-VIII, курган №8, могила 21 [Кызласов, 1986, с. 274, рис. 188.-1, 2; Максименков, 1980, с. 10, табл. XXIII.-3]. Эти предметы, вероятно, были элементами мужского ритуального костюма, подчеркивающего особый статус его владельца – вождя или жреца. В пользу такой трактовки свидетельствует находка А.В. Поляковым в кургане №21 могильника Итколь-II плиты с окуневской личиной, дополненной изображениями 18 луновидных подвесок. Помимо лунницы в насыпи кургана обнаружено изделие уплощенно-сферической формы из белого крупнозернистого песчаника диаметром 8,6 и высотой 6,2 см, имевшее сквозное отверстие диаметром 1 см (рис. 7.-4). Белые мраморные шарики с отверстием довольно часто встречаются в погребениях уйбатского этапа окуневской культуры. Они маркируют захоронения мужчин и мальчиков, по-видимому, обладавших особым социальным статусом. Размер этих изделий не превышает 3–5 см, а диаметр отверстия 0,3–0,5 см. В комплексах черновского этапа мраморные шары с отверстием встречаются крайне редко. Нам известно лишь два таких случая (Итколь-II, курган №1, могила 13 и Черновая-VIII, курган №8, могила 21). Размер изделий, обнаруженных в них, составляет уже 6–7 см, а диаметр отверстия заметно больше. По этому параметру предмет из насыпи кургана №1 могильника Красный Камень гораздо ближе к черновским, чем к уйбатским образцам.

Примечательно, что наряду с мраморным шаром в погребении 21 кургана №8 могильника Черновая-VIII была обнаружена луновидная подвеска [Максименков, 1980, табл. XXI.-10]. Вероятно, и в кургане №1 могильника Красный Камень эти предметы также входили в состав единого ритуального комплекта. Предположительно, лунница и шар с отверстием происходят из разграбленной могилы 5, где был захоронен мужчина 35–45 лет. Неординарность этого погребения подчеркивают и зубы соболя, украшенные охрой.

Единственный металлический предмет из кургана №1 могильника Красный Камень фрагментирован и сильно корродирован. Это было изделие лировидной формы из бронзовой проволоки с двумя круглыми шляпками на концах (рис. 7.-12). В материалах окуневской культуры такие предметы ранее не встречались. Подобные артефакты происходят из могильника Саэньсаи на северном Тянь-Шане, где три изделия с приостренными грибовидными шляпками найдены в курганах М57 и М62 [Ковалев, 2015, с. 296–297, рис. 7.-4, 5; 8.-6]. Особенностью данного могильника является размещение захоронений в повозках, установленных в фигурных грунтовых ямах. Происхождение этого обряда, вероятно, связано с западными культурами позднеямого и раннека-такомбного времени. Калиброванная радиоуглеродная дата из могильника Саэньсаи укладывается в промежуток 2470–2340 лет до н.э. [Ковалев, 2015, с. 297]. В могильниках Красный Камень и Саэньсаи данные предметы обнаружены в разрушенных женских захоронениях и, возможно, являются новым, неизвестным ранее типом украшений. Не исключена, впрочем, и их сугубо прикладная функция.

Особую художественную и культурную ценность представляет костяной гребень, обнаруженный в погребении 1 (рис. 7.-10). Его верхняя часть оформлена в виде головы человека, ниже которой прорезано 12 зубцов. Сердцевидный контур лица, линии бровей, носа, скул и губ даны рельефным валиком. Глаза представляют собой округлые цилиндрические выступы. Зубчики на верхней и боковых гранях изделия, в сочетании со сквозными прорезами, имитируют две заплетенные косички. Человеческие фигурки с сердцевидными лицами и косичками, выполненные охрой, известны нам по наскальным изображениям в гроте Проскуракова на реке Белый Июс [Есин, 2010, с. 71, рис. 14.-3]. Из территориально удаленных аналогий следует упомянуть рисунок на плите из погребения 4 в Озерном на Алтае, где изображена человеческая фигура с косичками на голове и руками, согнутыми в локтях и упертыми в бока [Погожева, Кадиков, 1979, с. 84, рис. 4]. По материалу и технике исполнения гребень ближе всего к объемным изображениям на роговых подвесках из могильника Итколь-II [Поляков, Есин, 2015, с. 49–51, рис. 9.-2, 3]. Отличие между ними заключается, главным образом, в функциональном назначении этих предметов и выборе персонажей. На гребне из Красного Камня представлено изображение человека, а на подвесках из могильника Итколь-II – лики божеств, дополненные некоторыми фантастическими деталями. По своим стилистическим особенностям лицо на гребне проявляет несомненное сходство с изображениями на чемурчешских погребальных статуях с территории Монголии и Синьцзяна [Ковалев, 2012, с. 150–156, рис. 2.-1–4; 3.-1–4; 4.-5, 6]. У них идентичная манера передачи контуров лица, бровей, носа и скул, оформления глаз цилиндрическими выступами.

Хронология кургана

В отличие от большинства окуневских комплексов курган №1 могильника Красный Камень невозможно безоговорочно отнести только к одному из двух уже выде-

ленных этапов культуры: уйбатскому или черновскому. По целому ряду показателей он занимает промежуточное положение. Конструкция центрального погребения, единственный случай захоронения на правом боку, формы и орнаментация посуды, украшения из зубов марала и соболя в большей степени характерны для комплексов уйбатского этапа. Каменные ящики с уклоном в сторону ног погребенного и каменной вымосткой дна, небольшие грунтовые ямы, массивный шар с отверстием являются показателями относительно позднего возраста части захоронений и их возможной принадлежности к черновскому этапу. Такая же двойственность прослеживается в материалах еще нескольких окуневских комплексов: Усть-Бюрь, курган №5; Лебяжье, курган №3 и Итколь-II, курган №26 [Кызласов, 1986; Максименков, 1981; Поляков, 2010]. Все эти памятники, по-видимому, следует относить к особому переходному периоду, завершающему уйбатский и открывающему черновский этап культуры [Лазаретов, 1997, с. 36–37]. Их синхронизация позволяет очертить некоторые закономерности, проявившиеся в процессе трансформации культуры. Так, становится ясным, что погребальные конструкции в виде стандартных каменных ящиков и небольших грунтовых ям с дополнительными признаками (уклон дна и его вымостка плитами) получают широкое распространение еще в финале уйбатского этапа. В дальнейшем они в неизменном виде существуют на протяжении всего черновского этапа. То же можно сказать и в отношении некоторых редких категорий окуневского инвентаря: каменных луновидных подвесок, крупных шаров с отверстиями, костяных пластинок с изображениями женских лиц. К финалу уйбатского этапа полностью исчезают могильные конструкции в виде катакомб, а женские захоронения на боку сменяются погребениями на спине, с согнутыми и поднятыми коленями вверх ногами. Эта поза погребенных становится единой как для мужчин, так и для женщин. Массовый материал, такой как посуда, напротив, развивается с заметным запозданием. В самых ранних комплексах черновского облика она все еще сохраняет некоторые характерные особенности уйбатской керамики: округлодонную форму, акцентированный накол, украшение в виде «жемчужин» по венчику. Присущий классической черновской посуде декор в виде нескольких резных горизонтальных желобков под венчиком и в придонной части сосудов появляется позже. В ранних захоронениях черновского облика по-прежнему сохраняется традиционный для комплексов уйбатского этапа набор украшений из зубов марала и соболя. Все это указывает на то, что разные этапообразующие признаки возникали и исчезали вовсе не одновременно, как это зачастую принято в наших упрощенных хронологических схемах. Чтобы снять намечающиеся противоречия и рельефней подчеркнуть особенности двух уже общепринятых и устоявшихся хронологических дефиниций, перечисленные нами памятники было бы резонно выделить в особый, лебяжинский хронологический горизонт окуневской культуры, занимающий промежуточное положение между уйбатским и черновским этапами. Тем более, что кропотливая работа по выделению и описанию лебяжинской иконографической группы окуневских личин уже проделана [Савинов, 2006, с. 166, рис. 11]. Необходимо оговорить только один уточняющий момент. Согласно современной относительной и абсолютной хронологии окуневских памятников, могильник Лебяжье и плиты с изображениями, обнаруженные в нем, должны предшествовать черновской иконографической группе личин и никоим образом не могут быть результатом ее развития, как предположил Д.Г. Савинов.

На сегодняшний день по материалам центрального захоронения (могила 1) кургана №1 могильника Красный Камень получены три радиоуглеродные даты. Одна из них выполнена в Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН по образцу кости человека жидкостно-сцинтилляционным методом – Le-9963 (3550 ± 120). Ввиду очень большого доверительного интервала, который после калибровки с учетом двойной сигмы показывает хронологический период свыше 700 лет, использовать эту дату для определения возраста могилы затруднительно. Два других определения сделаны в лаборатории ^{14}C РОНО Центра по изучению климата, окружающей среды и хронологии (Королевский университет Белфаста) методом ускорительной масс-спектрометрии. В ходе исследования ставилась задача выявления резервуарного эффекта, для чего были использованы образцы кости человека и разрушившаяся подвеска из зуба оленя, взятые из одного погребения [Svyatko et al., 2017]. Следов резервуарного эффекта не обнаружено, но были получены две значительно более точные даты: UBA-31072 (3777 ± 41) и UBA-31073 (3855 ± 42) (рис. 11). Дата по подвеске из зуба оленя оказалась несколько древнее, что не удивительно. Она входила в состав ожерелья, которое могло быть изготовлено задолго до момента совершения погребения. Исходя из этого, при определении возраста могилы следует опираться в первую очередь на дату по костям человека. Сооружение центральной могилы кургана следует датировать XXIII – началом XXII в. до н.э., что совпадает с финалом уйбатского и началом черновского этапов окуневской культуры [Поляков, 2017а]. Как уже отмечалось, остальные захоронения в этом кургане были сделаны позже, после сооружения насыпи. Однако хронологический разрыв, судя по всему, был минимальным. Таким образом, данные естественно-научных методов полностью подтверждают точку зрения о хронологической позиции этого кургана на стыке уйбатского и черновского этапов окуневской культуры.

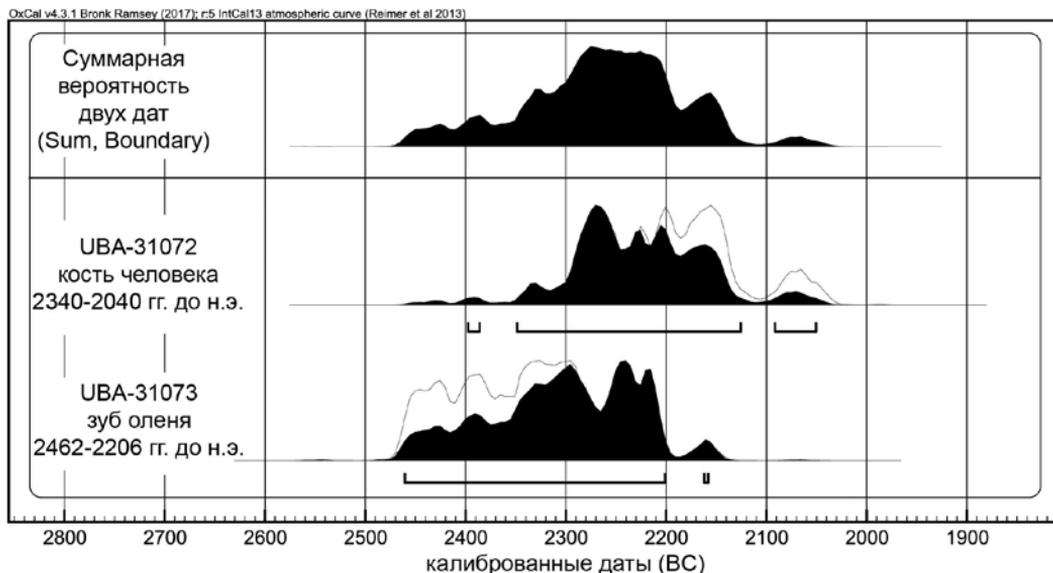


Рис. 11. Радиоуглеродные даты, полученные по материалам из могилы 1 кургана №1 могильника Красный Камень, и их суммарная вероятность (функции Sum и Boundary)

Заключение

Исследование кургана №1 могильника Красный Камень позволяет поставить вопрос о существовании в эпоху бронзы на Среднем Енисее сложных, многофункциональных погребально-ритуальных комплексов особого рода. Их конструкция, по-видимому, является воплощением модели Вселенной в том виде, как ее понимали «окуневцы». По результатам первых раскопок невольно сложилось мнение, что эти сооружения характеризуют именно ранний этап культуры [Комарова, 1981, с. 88–90]. Дальнейшее исследование показало, что курганы с диагональными кладками строились на протяжении всей окуневской эпохи, как на уйбатском (Карасук-II, Карасук-VIII), так и на черновском ее этапе (Туим-Кольцо; Уйбат-Батень, курган №2; Итколь-I, курган №1; Итколь-II, курган №13). Длительное бытование данной категории погребальных сооружений, по-видимому, связано с представлениями «окуневцев» о необходимости постоянного и непрерывного воспроизводства существующего миропорядка. Вероятно, именно эта функция подразумевалась основной для молодых женщин репродуктивного возраста, захороненных в центральных могилах курганов с диагональными кладками.

Обнаруженный в кургане №1 могильника Красный Камень клад каменных орудий послужил основанием для надежной культурно-хронологической привязки целого ряда художественных и бытовых предметов эпохи ранней бронзы, известных нам по случайным находкам, а также позволил уточнить их функциональное назначение. Аналогичные комплекты могли использоваться при строительстве курганов и проведении погребальных ритуалов непосредственно на могильнике. Это были предметы общего пользования определенных коллективов, а не отдельных индивидуумов.

Материалы кургана №1 могильника Красный Камень позволяют выделить и охарактеризовать отдельный хронологический горизонт окуневской культуры, занимающий промежуточное положение между ее уйбатским и черновским этапами. Его особенностью является органичное, устойчивое сочетание в одних и тех же комплексах пережиточных признаков раннего и инновационных элементов позднего этапов культуры. Радиоуглеродные даты, полученные по образцам из центрального захоронения кургана №1 могильника Красный Камень, указывают на интервал бытования комплексов лебяжинского хронологического горизонта в пределах XXIII – начала XXII в. до н.э.

Библиографический список

- Грязнов М.П., Завитухина М.П., Комарова М.Н., Миняев С.С., Пшеницына М.Н., Худяков Ю.С. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск : Наука, 1979. 167 с.
- Есин Ю.Н. Древнее искусство Сибири: самусьская культура. Труды музея археологии и этнографии Сибири ТГУ. Томск : Том. гос. ун-т, 2009. Т. II. 526 с.
- Есин Ю.Н. Проблемы выделения изображений афанасьевской культуры в наскальном искусстве Минусинской котловины // Афанасьевский сборник. Барнаул : Азбука, 2010. С. 53–73.
- Ковалев А.А. Древнейшие статуи Чемурачка и прилегающих территорий. СПб., 2012. 160 с.
- Ковалев А.А. Сазньсаи – новая культура бронзового века восточноевропейского происхождения на Тянь-Шане // Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурачский культурный феномен. Ч. 2. СПб. : МИСР, 2015. С. 293–306.
- Комарова М.Н. Своеобразная группа энеолитических памятников на Енисее // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск : Наука, 1981. С. 76–91.
- Кызласов Л.Р. Древнейшая Хакасия. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1986. 295 с.
- Кызласов Л.Р. Письмо из энеолита // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС : тез. докл. М., 1987. С. 143–145.

Кызласов И.Л. Воплощения вселенной: Археологические памятники как объект палеоастрономии // Историко-астрономические исследования. Вып. XXI. М., 1989. С. 193–212.

Лазаретов И.П. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб. : Петро-РИФ, 1997. С.19–64.

Лазаретов И.П. Клад каменных орудий с окуневским изваянием // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. Т. I. С. 240–242.

Лазаретов И.П. Окуневские курганы с диагональными кладками // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб. : ИИМК РАН ; Периферия, 2012. Кн. 2. С. 220–224.

Максименков Г.А. Впускные могилы окуневского этапа в афанасьевских курганах // Советская археология. 1965. №4. С. 204–211.

Максименков Г.А. Окуневский курган у устья речки Черновой // Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. Л. : Наука, 1980. С. 35–36.

Максименков Г.А. Могильник окуневской культуры у с. Лебяжье // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск : Наука, 1981. С. 91–110.

Погожева А.П., Кадиков Б.Х. Могильник эпохи бронзы у поселка Озерное на Алтае // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск : Наука, 1979. С. 80–84.

Поляков А.В. Поминальное сооружение окуневской культуры на озере Итколь // Древние культуры Евразии. СПб. : Инфо-ол, 2010. С. 75–80.

Поляков А.В. Объекты за пределами оград курганов окуневской культуры // Труды IV(XX) Всероссийского археологического съезда. Казань : Отечество, 2014а. Т. I. С. 478–481.

Поляков А.В. К вопросу о необходимости раскопок курганов окуневской культуры широкими площадями (на примере кургана 13 могильника Итколь-II) // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. Памяти Вадима Михайловича Массона (03.05.1929–19.02.2010). Труды ИИМК РАН. СПб. : ИИМК РАН ; Арт-Экспресс, 2014б. Т. XLII. С. 332–355.

Поляков А.В. Радиоуглеродные даты окуневской культуры // Записки ИИМК РАН. 2017а. №16. С. 52–74.

Поляков А.В. Особенности организации погребального пространства курганов окуневской культуры // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017б. Т. I. С. 337–339.

Поляков А.В., Есин Ю.Н. Миниатюрные изображения из погребения окуневской культуры на озере Иткуль в Хакасии // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 43. 2015. №2. С. 43–57. DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.2.043-057.

Савинов Д.Г. О выделении стилей и иконографических групп изображений окуневского искусства // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2006. С. 157–190.

Тарасов А.Ю., Заика А.Л. Малые формы окуневских каменных изваяний (проблемы интерпретации) // Труды Междунар. конф. по первобытному искусству. Кемерово : Никалс, 2000. Т. II. С. 182–188.

Svyatko S.V., Schulting R., Poliakov A.V., Ogle N., Reimer P.J. A lack of freshwater reservoir effects in human radiocarbon dates in the Eneolithic to Iron Age in the Minusinsk Basin // Archaeological and Anthropological Sciences. 2017. V. 9. P. 1379–1388. DOI: 10.1007/s12520-016-0383-3.

References

Gryaznov M.P., Zavtikhina M.P., Komarova M.N., Minyayev S.S., Pshenitsyna M.N., Khudyakov YU.S. Kompleks arkheologicheskikh pamyatnikov u gory Tepsey na Yeniseye [A Complex of Archaeological Sites near Mount Tepsei on the Yenisei]. Novosibirsk : Nauka, 1979. 167 p.

Yesin YU.N. Drevneye iskusstvo Sibiri: samus'skaya kul'tura. Trudy muzeya arkheologii i etnografii Sibiri TGU. T. II [Ancient Art of Siberia: Samus'skaya Culture. Proceedings of the Museum of Archaeology and Ethnography of Siberia TSU]. Tomsk : Tom. gos. un-t, 2009. 526 p.

Yesin YU.N. Problemy vydeleniya izobrazheniy afanas'yevskoy kul'tury v naskal'nom iskusstve Minusinskoy kotloviny [Problems of Distinguishing the Images of Afanasyevskaya Culture in the Rock Art of the Minusinsk Hollow]. Afanas'yevskiy sbornik [Afanasyevsky Collection]. Barnaul : Azbuka, 2010. Pp. 53–73.

Kovalev A.A. Drevneyshiye statui Chemurcheka i prilegayushchikh territoriy [The Most Ancient Statues of Chemurchek and the Adjacent Territories]. SPb., 2012. 160 s.

Kovalev A.A. Saen'sai – novaya kul'tura bronzovogo veka vostochnoyevropeyskogo proiskhozhdeniya na Tyan'-Shane [SaenSai – a New Culture of the Bronze Age of Eastern European Origin in the Tien Shan]. Drevneyshiyevropeytsy v serdtse Azii: chemurchekskiy kul'turnyy fenomen. Ch. 2 [The Oldest Europeans in the Heart of Asia: the Chemurchek Cultural Phenomenon. Part 2]. SPb. : MISR, 2015. Pp. 293–306.

Komarova M.N. Svoyeobraznaya gruppa eneoliticheskikh pamyatnikov na Yeniseye [A Peculiar Group of Eneolithic Sites on the Yenisei]. Problemy zapadnosibirskoy arkheologii. Epokha kamnya i bronzy [Problems of West Siberian Archaeology. Age of Stone and Bronze]. Novosibirsk : Nauka, 1981. Pp. 76–91.

Kyzlasov L.R. Drevneyshaya Khakasiya [The Ancient Khakassia]. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1986. 295 p.

Kyzlasov L.R. Pis'mo iz eneolita [A Letter from the Eneolith]. Zadachi sovetskoj arkheologii v svete resheniy XXVII s'yezda KPSS : tez. dokl. [Problems of Soviet Archaeology in the Light of the Decisions of the 27th Congress of the CPSU: doc]. M., 1987. Pp. 143–145.

Kyzlasov I.L. Voploshcheniya vselennoy: Arkheologicheskiye pamyatniki kak ob'yekt paleoastroonomii [Embodiments of the Universe: Archaeological Sites as an object of Paleoastronomy]. Istoriko-astroonomicheskiye issledovaniya. Vyp. XXI [Historical and Astronomical Studies. Issue. XXI]. M., 1989. Pp. 193–212.

Lazaretov I.P. Okunevskiy mogil'nik v doline reki Uybat [Okunevsky Cemeteries in the Valley of the Uybat River]. Okunevskiy sbornik. Kul'tura. Iskusstvo. Antropologiya [Okunevsky Collection. Culture. Art. Anthropology]. SPb. : Petro-RIF, 1997. Pp. 19–64.

Lazaretov I.P. Klad kamennykh orudiy s okunevskim izvayaniem [A Treasure of Stone Tools with Okunevo Sculpture]. Trudy III (XIX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'yezda [Proceedings of the III (XIX) All-Russian Archaeological Congress]. SPb. ; M. ; Velikiy Novgorod, 2011. Vol. I. Pp. 240–242.

Lazaretov I.P. Okunevskiy kurgany s diagonal'nymi kladkami [Okunevo Burial Mounds with Diagonal Masonry]. Kul'tury stepnoy Yevrazii i ikh vzaimodeystviye s drevnimi tsivilizatsiyami [Cultures of the Steppe Eurasia and their Interaction with Ancient Civilizations]. SPb. : IIMK RAN ; Periferiya, 2012. Book 2. Pp. 220–224.

Maksimenkov G.A. Vpusknyye mogily okunevskogo etapa v afanas'yevskikh kurganakh [Inlet Graves of the Okunevo Stage in the Afanasyevo Burial Mounds]. Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]. 1965. №4. Pp. 204–211.

Maksimenkov G.A. Okunevskiy kurgan u ust'ya rechki Chernovoy [Okunevsky Barrow at the Mouth of the Chernovaya River]. Vadetskaya E.B., Leont'yev N.V., Maksimenkov G.A. Pamyatniki okunevskoy kul'tury [The Sites of the Okunevskaya Culture]. L. : Nauka, 1980. Pp. 35–36.

Maksimenkov G.A. Mogil'nik okunevskoy kul'tury u s. Lebyazh'ye [The Burial Ground of the Okunevskaya Culture near Lebyazhye]. Problemy zapadnosibirskoy arkheologii. Epokha kamnya i bronzy [Problems of West Siberian Archaeology. The Stone and Bronze Age]. Novosibirsk : Nauka, 1981. Pp. 91–110.

Pogozheva A.P., Kadikov B.KH. Mogil'nik epokhi bronzy u poselka Ozernoye na Altaye [Burial Cemetery near the Village of Ozernoe in Altai]. Novoye v arkheologii Sibiri i Dal'nego Vostoka [New in the Archaeology of Siberia and the Far East]. Novosibirsk : Nauka, 1979. Pp. 80–84.

Polyakov A.V. Pominal'noye sooruzheniye okunevskoy kul'tury na ozere Itkol' [Memorial Construction of Okunevskaya Culture on Lake Itkol]. Drevniye kul'tury Yevrazii [Ancient Cultures of Eurasia]. SPb. : Info-ol, 2010. Pp. 75–80.

Polyakov A.V. Ob'yekty za predelami ograd kurganov okunevskoy kul'tury [Objects beyond the Burial Mounds of Okunevskaya Culture]. Trudy IV(XX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'yezda [Proceedings of the IV (XX) All-Russian Archaeological Congress]. Kazan' : Otechestvo, 2014a. Vol. I. Pp. 478–481.

Polyakov A.V. K voprosu o neobkhodimosti raskopok kurganov okunevskoy kul'tury shirokimi ploshchad'yami (na primere kurgana 13 mogil'nika Itkol' II) [To the Question of the Need to Excavate the Mounds of Okunevskaya Culture in Wide Areas (on the Example of Burial Mound 13 of the Itkol' II Burial Ground)]. Arkheologiya drevnikh obshchestv Yevrazii: khronologiya, kul'turogenез, religioznyye vozzreniya. Pamyati Vadima Mikhaylovicha Massona (03.05.1929–19.02.2010). Trudy IIMK RAN. T. XLII [Archaeology of the Ancient Societies of Eurasia: Chronology, Cultural Genesis, Religious Views. In Memory of Vadim Mikhailovich Masson (03.05.1929–19.02.2010). Proceedings of IHMC RAS]. SPb. : IIMK RAN ; Art-Ekspres, 2014b. Pp. 332–355.

Polyakov A.V. Radiouglerodnyye daty okunevskoy kul'tury [Radiocarbon Dates of Okunevskaya Culture]. Zapiski IIMK RAN [Notes of IEMK RAN]. 2017a. №16. Pp. 52–74.

Polyakov A.V. Osobennosti organizatsii pogrebal'nogo prostranstva kurganov okunevskoy kul'tury [Features of the Organization of the Burial Space of the Burial Mounds of Okunevskaya Culture]. Trudy V (XXI) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'yezda v Barnaule – Belokurikhe [Proceedings of the V (XXI) All-Russian Archaeological Congress in Barnaul-Belokurikha]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2017b. Vol. I. Pp. 337–339.

Polyakov A.V., Yesin YU.N. Miniatyurnyye izobrazheniya iz pogrebeniya okunevskoy kul'tury na ozere Itkul' v Khakasii [Miniature Images from the Burial of the Okunevskaya Culture on Lake Itkul in Khakassia]. Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Yevrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. Vol. 43. 2015. №2. S. 43–57. DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.2.043-057.

Savinov D.G. O vydelenii stiley i ikonograficheskikh grupp izobrazheniy okunevskogo iskusstva [On the Distinguishing of Styles and Iconographic Groups of Images of Okunevskaya Art]. Okunevskiy sbornik 2 [Okunevsky Collection 2. Culture and its Environment]. Kul'tura i yeyo okruzheniye. SPb. : Izd-vo SPbGU, 2006. Pp. 157–190.

Tarasov A.YU., Zaika A.L. Malye formy okunevskikh kamennykh izvayaniy (problemy interpretatsii) [Small Forms of Okunevo Stone Sculptures (Problems of Interpretation)]. Trudy Mezhdunar. Konf. po pervobytnomu iskusstvu [Proceedings of International Conference on Primitive Art]. Kemerovo : Nikals, 2000. Vol. II. Pp. 182–188.

Svyatko S.V., Schulting R., Poliakov A.V., Ogle N., Reimer P.J. A Lack of Freshwater Reservoir Effects in Human Radiocarbon Dates in the Eneolithic to Iron Age in the Minusinsk Basin // Archaeological and Anthropological Sciences. 2017. V. 9. P. 1379–1388. DOI: 10.1007/s12520-016-0383-3.

I.P. Lazarev, A.V. Polyakov

*Institute of the History of Material Culture of the Russian
Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia*

THE KRASNY KAMEN' BURIAL-RITUAL COMPLEX OF THE EARLY BRONZE

This work introduces to the scientific circulation the materials obtained during the study of burial mound No. 1 of the Krasny Kamen' burial ground, which belongs to the rarest category of monumental burial-ritual complexes of the Early Bronze period of the Khakassko-Minusinsk depression. The only complete analogue of this site is the Tuim-Koltso barrow, investigated by L.R. Kyzlasov. Complex Red Stone (mound number 1) consisted of a funeral fence, decorated with additional diagonal masonry, and contained 12 graves. To the east of the fence was a ritual-memorial site. Both were contoured by a ring about 60 m in diameter made of separately standing stone menhirs with a center at the intersection of diagonals. In the course of the excavations, in addition to the traditional accompanying inventory, a number of unique items have been discovered: a bone crest with an anthropomorphic face and a set of stone tools, including one with the animal's head.

Materials of burial mound No. 1 of the Krasny Kamen' burial ground make it possible to single out and characterize a separate chronological horizon of the Okunevskaya culture occupying an intermediate position at the junction of the Uybatsky and Chernovsky stages. Based on the results of radiocarbon dating, it can be attributed to the 23th – 22th centuries BC.

Key words: Khakassko-Minusinsk hollow, Krasny Kamen', burial-ritual complex, Early Bronze period, Okunevskaya culture.